

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1889.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

103. *Վաւիթ և Մհեր. Ժողովրդական գիւցազնական վէպ. դրի առաւ Մ. Աբեղեանց. Շուշի. Միլրաջան Մահտեսի-Հակոբեանցի տպարանում:*
 Давидъ и Мхеръ. Народное героическое сказаніе. Записалъ М. Абе-
 гянцъ. Шуша. Типографія Мирзаджана Махдесъ-Якобянца. 1889. 4^о.
 стр. 61; цѣна 35 коп.

Издатель, очевидно не незнакомый съ требуемою при подобныхъ ра-
 ботахъ точностью и обстоятельностью, добросовѣстно занесъ въ предис-
 словіе, озаглавленное *Մ. քանի խոսք* (нѣсколько словъ), свѣдѣнія о томъ, при
 какихъ условіяхъ записанъ этотъ продуктъ народнаго армянскаго творче-
 ства, восполняющій собою подобное же народное сказаніе, изданное въ Кон-
 стантинополѣ въ 1874 г. г. Срванцтянцомъ въ его *Վրոց և Բրոց*, откуда
 оно, въ видѣ перепечатки, какъ образчикъ мушкаго нарѣчія, появилось и въ
 трудѣ покойнаго профессора К. П. Патканова, Матеріалы для изученія ар-
 мянскихъ нарѣчій. Выпускъ II. 1875. стр. 1—27. Переложеніе изданнаго
 Срванцтянцомъ текста на литературный, впрочемъ — новый, [армянскій]
 языкъ можно найти въ трудѣ С. Мандяняна *Ազգային գիւցազնական
 աղբարհ (Սասունցի Վաւիթ կամ Մհերի դրև)*, Тифлисъ 2-е изд. 1882.
 Національный (армянскій) героическій міръ (Сасунскій Давидъ или дверь
 Мхера); своеобразное значеніе дается герою разсказа Мхеру въ извѣстномъ
 романѣ Раффи *Կայծեր* (Искры, Тифлисъ, 1887. II ч., стр. 108).

Настоящее изданіе г. Абегианца важно для лингвистики армянской,
 какъ матеріалъ для мокскаго нарѣчія, только отчасти, потому что
 мокець, со словъ котораго записывалъ г. Абегианцъ въ Эчміадзинѣ это
 сказаніе, — «давнишний выселенецъ изъ своей родины, побывавшій въ раз-
 ныхъ мѣстахъ», да и самъ издатель, чтобы «не затруднять читателей», не
 прибѣгалъ къ общепринятой среди записывателей транскрипціи при пере-
 дачѣ извѣстныхъ, свойственныхъ только нарѣчіямъ, звуковъ; безусловно
 народная стихотворная форма однако можетъ служить нѣкоторой гарантіею,
 что языкъ текста, по крайней мѣрѣ въ его стихотворныхъ частяхъ, особенно
 въ пѣсняхъ, не могъ значительно пострадать отъ позднѣйшей примѣси.

Несравненно важнѣе изданіе г. Абегианца, какъ рѣдкій памятникъ ар-
 мянскаго народнаго творчества вообще и въ частности — какъ варіантъ из-
 вѣстныхъ разсказовъ о Сасунскихъ герояхъ. Достаточно сказать, что мы
 теперь только узнаемъ, что районъ распространенія названнаго цикла раз-
 сказовъ не ограничивается Мушкой областью, какъ можно было заключить
 по труду Срванцтянца, и число героевъ, вокругъ каждаго изъ конхъ сгруп-
 пированы разсказы, доходить до сорока; Мхеръ, остающійся безъ потом-
 ства и конечною своею судьбою живо напоминающій участь популярнаго
 въ кавказскомъ народномъ эпосѣ, особенно грузинскомъ, Амيرانа, замы-

каеть рядъ этихъ героевъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе наследующихъ другъ другу. Текстъ, записанный г. Абегиандомъ, цененъ и въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ обработку сказанія въ своеобразной народной стихотворной формѣ и, если напоминаетъ что либо своею формою, такъ скорѣе всего древнюю народную армянскую же поэзію, къ сожалѣнію, только въ отрывкахъ сохранившуюся у нѣкоторыхъ армянскихъ петриковъ. Но есть ли и внутренняя связь между народными эпическими сказаніями, которыя въ настоящее время всплываютъ безъ особенно усердныхъ справокъ со стороны изслѣдователей, и между нѣсиями, также народными, дошедшими до насъ въ отрывочной передачѣ древнихъ писателей, или, дѣйствительно, надо помириться съ мыслью, что «нѣси тѣ безслѣдно исчезли», какъ выразился извѣстный армяистъ М. Эмилъ (*Մէլիս Գնոյն Հայաստանի*. Москва. 1850, стр. 10), — этого вопроса и поднять нельзя со смысломъ, пока собраніе армянскихъ устныхъ преданій не лишится своего любительскаго и случайнаго характера; до тѣхъ поръ слѣдуетъ избѣгать и тѣхъ сопоставленій, которыя, пожалуй, сами собою напрашиваются, какъ напр. заключеніе проклятаго отцомъ Мхера въ скалу и подобная же участь Артавазда (Моисей Хор., II, 60). Фабула сказанія по московской его версіи такова:

По смерти отца и по выходѣ матеріи замужъ за Мсрамелнка, спрота Давидъ былъ взятъ на попеченіе однимъ изъ дядей. Мать хотѣла было держать сына при себѣ, но отчимъ не могъ терпѣть мальчика, явно превосходившаго его богатырскою силою. У дяди Дзэновъ-Гована также не удалось Давиду долго прожить: сдѣлали его пастухомъ — сшили ему сапоги изъ булата и дали въ руки булатный посохъ, но онъ въ первый же день износилъ все, да по вечерамъ сталъ наводить ужасъ на боязливыхъ горожанъ, пригоняя вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ зайцевъ, волковъ и медвѣдей; тогда дядя поставилъ его дома ключникомъ, чтобы онъ угощалъ странниковъ, но съ нимъ повторилась извѣстная исторія Юсифа прекраснаго и жевы египетскаго фараона.

Давидъ отошелъ отъ дяди и, смастеривъ себѣ лукъ и стрѣлу, предался охотѣ. Старуха, на землѣ которой онъ охотился, чтобы охранить свою ниву отъ невзбѣжной при охотѣ порчи, указала Давиду на стѣсненія, выпадавшія на долю его дядей. Борьба Давида съ притѣснителемъ Мсрамеликомъ, описанная съ подробностями и приемами, обычными народному эпосу, и побѣда надъ названнымъ притѣснителемъ побудили дядю Дзэновъ-Гована, въ знакъ признательности, посватать для племянника богатыря-дѣвцу Чмшикикъ-Султана, но Давидъ самъ выбралъ себѣ другую героиню — Хандуть-Хатуна, и домогательства его, обязательно сопряженныя съ ры-

парскими поединками, увѣчались успѣхомъ. Въ моментъ торжественнаго возвращенія, героя съ героинею встрѣчаетъ Чмшккикъ-Султанъ, отверженная богатырь-дѣвица; она вызываетъ Давида на поединокъ, на что Давидъ соглашается, предварительно выпросивъ себѣ восьмидневный срокъ до дня поединка; однако герой забылъ о данномъ словѣ и впродолженіи восьми лѣтъ не вспоминалъ о поединкѣ.

Между тѣмъ у Давида родился сынъ Мхеръ; онъ — представитель злаго начала: уже въ дѣтскія лѣта игры его были бѣдовыя, такъ напр. онъ надъ большою рѣкою, протекавшею около города Сасума, выстроилъ мостъ и игралъ роль своего рода Прокруста. — Когда люди приходили и поднимались на мостъ, Мхеръ являлся и билъ людей, приговаривая: «Дѣти мои, я навелъ мостъ—развѣ для васъ я навелъ? Почему поднимаетесь на мой мостъ?» Люди поворачивали и уходили, вступали въ воду — шли въ бродъ. Мхеръ подходилъ и билъ ихъ, приговаривая: «Дѣти мои, я навелъ мостъ—вѣдь для васъ навелъ? Почему же входите въ воду? Вода понесетъ васъ, и грѣхъ падетъ на мою шею.» — Упрошенный горожанами наставить своего сына, Давидъ хотѣлъ наказатъ его, но послѣдній схватился съ отцомъ, и только благодаря мольбамъ матери и вмѣшательству ангела Гавриила по волѣ Божьей удалось ихъ разнять: отецъ проклялъ Мхера, и ангелъ лишилъ его способности плодиться. Когда же, наконецъ, Давидъ отправился къ дѣвицѣ Чмшккикъ-Султану на поединокъ и былъ ею убитъ вѣроломно, Мхера, оставшагося круглымъ сиротой, изгнали изъ роднаго города; замогильный голосъ отца и матери направилъ его за счастьемъ въ Алеппо. Послѣ неоднократныхъ встрѣчъ съ чудящими старухами, по указанію одной изъ нихъ, онъ попадаетъ въ названный городъ, гдѣ и женится на Гохаръ-Хатунѣ; сорокъ лѣтъ спустя жена его умираетъ, самъ же Мхеръ, охотясь за чужою дичью, попалъ въ плѣнъ и былъ брошенъ въ глубокую яму, откуда хотя и удается ему спастись хитростью, но не на радость. Мхеръ вышелъ изъ ямы, хотѣлъ идти; но куда ни ставилъ ногу, нога вязла въ землѣ; земля передъ нимъ размякла — не держала его. Онъ пріютился у Хлата. Прошло нѣсколько дней: какой-то всадникъ подѣзжалъ; Мхеръ отнялъ у него лошадь и хотѣлъ верхомъ совершать богатырскіе подвиги: погналъ онъ коня на средину поля, но почва передъ нимъ размякла — конь вязъ въ землѣ, земля не держала Мхера. Томимый отцовскимъ проклятіемъ, осужденный на безплодіе и долгую жизнь до дня Страшнаго Суда, Мхеръ взмолился Богу, чтобы онъ былъ схороненъ живьемъ въ одной изъ скалъ Вана, и молитва его была услышана. Каждую ночь на Вознесеніе, гласитъ преданіе, въ скалѣ Мхера открывается дверь. Человѣкъ не можетъ видѣть этого событія — нѣтъ на то воли Божьей; только разъ привелось одной молодой

дѣвушка, слѣдуя за теленкомъ, очутиться у той скалы въ моментъ, когда дверь открылась, и Мхеръ вышелъ изъ скалы. Но пока дѣвушка успѣла сходить домой и возвратиться съ людьми, роковая дверь снова закрылась.

Въ изданномъ текстѣ нашло мѣсто полное изображеніе жизни только двухъ богатырей, отца и сына — Давида и Мхера; указаніе рассказчика — мокца на сорокъ героевъ можетъ быть преувеличеннымъ, но, несомнѣнно, число членовъ Сасунскаго рода, о которыхъ въ армянскомъ народѣ, какъ видно, сложился цѣлый циклъ сказаній, не ограничивается двумя-тремя. Съ именами и подвигами нѣкоторыхъ мы знакомимся частью по книгѣ г. Срванцянца, частью по мокскому тексту; вступленіемъ мокской версіи о Давидѣ и Мхерѣ служитъ доброе поминовеніе восьми предшествовавшихъ героевъ того же рода; наконецъ, въ ней же (стр. 60 — 61) мы находимъ сказаніе, правда отрывочное, о Давидѣ Летучемъ, также Сасунскомъ героѣ.

Непріятно поражаетъ слѣдующее мѣсто въ концѣ предисловія издателя: «По словамъ мокца, въ самой Мокской области мало кто и то только среди стариковъ, знаетъ отрывки этихъ большихъ рассказовъ, но найти человѣка, который былъ бы знакомъ со всѣми сорока отпрысками-героями, конечно, очень трудно. Нашъ мокець встрѣчался во всю жизнь только съ однимъ подобнымъ знатокомъ, который рассказывалъ въ деревнѣ о всѣхъ герояхъ, когда самъ онъ еще былъ молодъ, но и *тотъ человекъ ушелъ въ Константинополь и больше не возвращался*». Если сообщеніе о безвозвратномъ уходѣ послѣдняго мокца, знавшаго весь циклъ рассказовъ о Сасунскихъ герояхъ, и правдиво, то, я думаю, пока можно дѣлать утѣшительное предположеніе, что въ Мокской области и теперь существуютъ люди, которые, по частямъ по крайней мѣрѣ, знакомы съ интереснымъ эпосомъ, но воспользуется ли кто ихъ знаніемъ, хотя бы отрывочнымъ, и не уйдутъ ли они также туда, откуда, дѣйствительно, нѣтъ возврата, раньше чѣмъ кто додумается записать съ ихъ словъ эти во многихъ отношеніяхъ цѣнныя героическія сказанія, — вотъ на что, къ сожалѣнію, трудно дать утвердительный отвѣтъ.

Въ заключеніе замѣчу, что въ предисловіи къ своему изданію г. Абе-гянцъ между прочимъ пыгается разложить на составныя части разнообразныя стихотворныя размѣры, встрѣчающіеся въ мокскомъ сказаніи о Давидѣ и Мхерѣ, въ примѣчаніяхъ же подъ текстомъ даетъ объясненіе трудно понимаемыхъ словъ и отъ времени до времени фразою *սյս կարճ էրդ է* (этотъ отрывокъ есть пѣсня) указываетъ, какія мѣста мокець ему пѣлъ.

Н. М.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

I.

Къ статьѣ А. Гаркави «Нѣсколько замѣчаній объ арамейской надписи на вазѣ находящейся въ Москвѣ»: (стр. 83—95).

Стр. 88 (=отд. отд. стр. 6) строка 27—28 вмѣсто словъ «въ слово — первой буквы» — читай: вмѣсто רַחֵם слѣдуетъ читать רַחֵם .

Стр. 89 (=отд. отд. стр. 7) къ 10 строкѣ: Ср. теперь еще извѣстіе изъ пехлевійскаго источника объ еврейкѣ *Шасіан-Дохтъ*, дочери вавилонскаго эяларха (Рошъ-Галута), и женѣ Іездеджерда I (нач. V в. по Р. X.); *Revue des études juives* XIX, 1889, p. 41 seqq.

Стр. 90 (=отд. отд. стр. 8) къ 7 строкѣ: По повѣрью современныхъ арабовъ въ Палестинѣ, *джинны* также преимущественно пребываютъ на порогахъ домовъ; ср. *Ztschr. d. deutsch. Palaestina-Vereins*, XII, 1889, p. 112.

А. Гаркави.

II.

Къ рецензіи Н. Марра, стр. 414, строка 17.

Русскій переводъ армянскаго сказанія о Сасунскихъ герояхъ, сдѣланный Гр. Халатянцемъ по упомянутому изданію Сранцтянца и снабженный примѣчаніями, помѣщенъ въ *Ж. М. Н. Пр.* 1881, ноябрь, стр. 51 — 52, подъ заглавіемъ: Давидъ Сасунскій (Армянскій народный эпосъ). Напечатанный въ *Armen. Bibliothek* (IV, стр. 83 — 132) — *David von Sassun, armenisches Volksepos*, переведенъ не съ армянскаго подлинника, а съ русскаго перевода и не всегда точно; слова напр. «когда пшеница будетъ [величиною] со сливу, а ямень съ шповникъ» въ передачѣ на нѣмецкій языкъ гласятъ «Wenn der Pflaumenbaum Weizen und der Hahnbuttenstrauch Gerste tragen wird».

Н. Марръ.

III.

На стр. 383, стр. 9 снизу *вмѣсто* Непальскіе *читай*: Непальскія.